

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2713-3133-2023-3-7-19

**Героиня-дикарка в «жоржсандовском» сюжете:
полемика А. Я. Панаевой с А. В. Дружининым
(на материале повести «Пасека»)**

**Анастасия Александровна Пономарева¹
Анна Сергеевна Дубинина²**

^{1,2} Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

¹ anastasiya.ponomareva.92@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5378-7036>

² annabubinina@yandex.ru,

Аннотация

Статья посвящена исследованию повести А. Я. Панаевой «Пасека». В работе доказывается, что повесть была своего рода «репликой» на прогрессивный проект любовно-семейных отношений, оформившийся в повести А. В. Дружинина «Полинька Сакс» под влиянием романа Ж. Санд «Жак» и горячо встреченный кругом «Современника». Используя сюжетную схему жоржсандовского романа с теми же сюжетными сдвигами, с какими она представлена в повести А. В. Дружинина, писательница выстраивает новую сюжетную комбинацию, раскрывающую альтернативное представление об эмансипации женщины. Писательница показывает, что А. В. Дружинин и поддерживавшие его проект литераторы декларируют представление о женщине как об объекте (любви / развития и т. д.), игнорируя при этом ее природную одаренность. Полемизируя с ними, писательница создает повесть, в которой показывается, что «ресурс» для развития женского самосознания находится не вне, а внутри нее. Для выражения своей идеи А. Я. Панаева использует сюжет, центральной фигурой в котором является естественная героиня – «любовь человека из цивилизованного мира к дикарке». В работе показано, что этот сюжет трансформируется в зависимости от новых идейных задач: меняются функции обязательных актантов (дикарка, защитник героини, человек из мира цивилизации), добавляются новые сюжетные звенья. В ходе анализа сделаны выводы, что А. Я. Панаева деконструирует идею спасительного брака, развития женщины женщиной.

Ключевые слова

А. Я. Панаева, беллетристика, женская проза, «жоржсандовский» сюжет, сюжет «влюбленность человека из цивилизованного мира в дикарку», контаминация сюжетов, полемика с А. В. Дружининым

Для цитирования

Пономарева А. А., Дубинина А. С. Героиня-дикарка в «жоржсандовском» сюжете: полемика А. Я. Панаевой с А. В. Дружининым (на материале повести «Пасека») // Сюжетология и сюжетография. 2023. № 3. С. 7–19. DOI 10.25205/2713-3133-2023-3-7-19

© Пономарева А. А., Дубинина А. С., 2023

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2023. № 3. С. 7–19
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2023, no.3, pp. 7–19

**The Heroine Is a Savage in the *Georgsandovsky plot*:
The Polemic of A. Ya. Panaeva with A. V. Druzhinin
(Based on the Material of the Story *Apiary*)**

Anastasia A. Ponomareva¹, Anna S. Dubinina²

^{1,2} Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ anastasiya.ponomareva.92@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5378-7036>

² annabubinina@yandex.ru,

Abstract

The article is devoted to the study of the A. Ya. Panaeva's story *Apiary*. The paper proves that the story was a kind of replica of the progressive project of love and family relations, which took shape in the A. V. Druzhinin's story *Polinka Saks* under the influence of the Zh. Sand's novel *Jacques* an warmly welcomed by the circle of *Contemporary*. Using the plot scheme of the Zh. Sand's novel with the same plot shifts with which it is presented in the A. V. Druzhinin's story, the writer builds a new plot combination that reveals an alternative idea of the emancipation of a woman. The writer shows that A. V. Druzhinin and the writers who supported his project declare the idea of a woman as an object (love / development, etc.), while ignoring her natural giftedness. Arguing with them, the writer creates a novel in which it is shown that the resource for the development of female self-consciousness is not outside, but inside her. To express her idea, A. Ya. Panaeva uses a plot in which the central figure is a natural heroine. This is the plot of *a man from the civilized world in love with a heroine is a savage*. The paper shows that this plot is transformed depending on new ideological tasks: the functions of mandatory actors (a heroine is a savage, a defender of the heroine, a man from the world of civilization) change, new plot links are added. During the analysis, it was concluded that A. Ya. Panaeva deconstructs the idea of a saving marriage, the development of a woman by a man.

Keywords

A. Ya. Panaeva, fiction, women's prose, *Georgsandovsky plot*, the plot *a man from the civilized world in love with a heroine is a savage*, contamination of plots, polemic with A. V. Druzhinin

For citation

Ponomareva A. A., Dubinina A. S. The Heroine Is a Savage in the *Georgsandovsky plot*: The Polemic of A. Ya. Panaeva with A. V. Druzhinin (Based on the Material of the Story *Apiary*). *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2023, no. 3, pp. 7–19. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2023-3-7-19

А. Я. Панаева (1820–1893) – русская писательница и мемуаристка середины XIX в. В арсенал ее творчества входит ряд прозаических текстов, опубликованных в журнале «Современник» под псевдонимом Н. Н. Станицкий, романы «Три страны света» и «Мертвое озеро», написанные в соавторстве с Н. А. Некрасовым, а также «Воспоминания». В отличие от многих других женщин-писательниц своего времени, А. Я. Панаева находилась в центре литературной жизни: она была важным членом редакции «Современника»¹. П. Успенский и А. Федотов устано-

¹ Установлено, что А. Я. Панаева была не рядовым сотрудником «Современника», а могла считать себя членом его редакции, см. об этом: [Успенский, Федотов, 2023].

вили, что «...ее произведения критически отвечают на идеологические проекты и бытовые практики гендерных отношений, бытовавшие в мужской редакции “Современника” <...>» [Успенский, Федотов, 2023, с. 209–210]. Этим обусловлен, по мнению исследователей, фундаментальный принцип поэтики панаевской прозы – прототипизм: «Как профессиональная писательница, Панаева занята изобретением художественных миров, конструктивно связанных с актуальной для нее традицией. <...> Вместе с тем, как многие писатели, Панаева охотно включала в произведения портреты своего окружения, для которого ее тексты оказывались особым, прямо им адресованным посланием» [Там же, с. 210]. Исследователи объясняют это тем, что для А. Я. Панаевой на первом месте было желание объясниться с окружающими людьми, а беллетристика выступала «способом оформления реплик в <...> напряженном диалоге» [Там же, с. 211]. По нашему мнению, «диалогичность» беллетристики А. Я. Панаевой проявляется не только в прототипизме ее персонажей, но и в обращении к таким сюжетам, которые в литературном поле были ассоциативно связаны с именем определенного литератора. В настоящей статье проанализирован частный пример этого – полемика с А. В. Дружининым, развернувшаяся на страницах повести «Пасека». Ключом, позволяющим «вскрыть» полемику этого текста, является обращение писательницы к «жоржсандовскому» сюжету, связанному в русской литературе середины века не только с именем его «первооткрывательницы», но и с именем А. В. Дружинина.

Актуальной традицией для А. Я. Панаевой, как и для многих других писательниц ее времени, стала эмансипаторская проза Ж. Санд. Еще при жизни она получила репутацию «русской жоржсандистки». Свидетельство этому обнаруживается, например, в «Соннике современной русской литературы» ее современника Н. Щербины: «Станицкого (Авдотью) во сне видеть предвещает отца и мать в грязь втоптать – лишь бы только плохую повестушку написать, или же увидеть, как комическая русская холопка корчит из себя эмансипированную Жорж-Санд» [Щербина, 1929, с. 148–149]. Репутация «русской жоржсандистки» закрепилась за А. Я. Панаевой и в литературоведческих исследованиях [Строганова, 2019, Самородникова, 2021].

Может показаться, что повесть «Пасека» лишний раз подкрепляет «жоржсандистскую» репутацию русской писательницы². Ее основу составляет сюжет, схема которого восходит к роману Ж. Санд «Жак», чрезвычайно популярному в середине века [Кафанова, Соколова, 2005, Пономарева, 2017]: образованный и не очень молодой мужчина, Зеновский, влюбляется в девушку Белку-Сашу, которая значительно моложе его, делает предложение. Героиня дает согласие на брак. Но супруги не обретают семейное счастье: жена не отвечает взаимностью на чувства мужа. Во время семейного разлада появляется светский молодой человек, Атавин, обладающий мировоззрением, более близким героине, чем взгляды мужа. Они увлекаются друг другом. Невзирая на свою любовь и убедившись в том, что он становится помехой счастью жены, мужчина дает ей свободу в любовной сфере и устраняется. Как и в романе «Жак», в повести «Пасека» делается намек на то, что муж кончает с собой.

² Некоторые черты сходства повести А. Я. Панаевой и романа Ж. Санд «Жак» были отмечены О. Б. Кафановой [2017].

Между тем нужно учитывать, что «усвоение» сюжета романа Ж. Санд «Жак» шло в русской литературе не напрямую, а через посредство повести А. В. Дружинина «Полинька Сакс», в которой были по-своему осмыслены идеи жоржсандовского романа [Пономарева, 2017]. О большой популярности дружининской повести сохранилось множество свидетельств. Остановимся только на тех, которые касаются круга «Современника». Так, в письме к В. П. Боткину В. Г. Белинский дает ей очень высокую оценку: «Эта повесть мне очень понравилась, <...> есть положения довольно натянутые, местами пахнет мелодрамою, всё юно и незрело, – и, несмотря на то, хорошо, дельно, да еще как!!!!?» [Белинский, 1847]. В 1848 г. рецензент «Современника» вспоминает, что повесть «Полинька Сакс» была принята как необыкновенное явление, с тем же одобрением, с каким принимались произведения Гоголя. А. Я. Панаева также оставила воспоминания о том впечатлении, которое произвела дружининская повесть на литераторов «Современника»:

Когда было напечатано первое произведение Дружинина в «Современнике» в 1847 году, Тургенев говорил Некрасову и Панаеву:

– Положительно везет «Современнику»! Вот это талант, не чета вашему «литературному прыщю» и вознесенному до небес вами апатичному чиновнику Ивану Александровичу Гончарову. Эти, по-вашему, светила – слепорожденные кроты, выползшие из-под земли: что они могут создать? А у Дружинина знание общества; обрисовка Полиньки Сакс художественная, видишь Гётевские тонкие штрихи, а никто в мире, кроме Гёте, не обладал таким искусством создавать грациозные типы женщин. Я прозакладываю голову, что Дружинин быстро займет место передового писателя в современной литературе... [Панаева (Головачева), 1956, с. 190–191]³

Повышенный интерес к повести «Полинька Сакс» обусловлен разными причинами. Одна из наиболее существенных касается представленного в ней прогрессивного проекта любовно-семейных отношений. А. В. Дружинин был одним из первых в русской литературе, кто художественно обработал значимую для поколения середины века идею Ж. Санд⁴: брак – «одно из самых варварских установлений, которые создала цивилизация», его необходимо уничтожить и заменить «более человечными и не менее священными узами», которые не сковывают свободу мужа и жены [Санд, 1971, с. 34]. При этом, в отличие от романа Ж. Санд, в повести А. В. Дружинина эта идея получила социальную разработку: акцент сделан не на эмоциональном раскрепощении женщины, а на взаимоотношениях супругов⁵.

³ Заметим, что в другой части «Воспоминаний» А. Я. Панаева сообщает, что мнение И. С. Тургенева о повести «Полинька Сакс» резко изменилось с течением времени.

⁴ О новом типе любовно-семейных отношений в середине века см.: [Кафанова, 2017].

⁵ А. В. Дружинин, пытаясь объяснить невероятный успех повести, основной причиной назвал «оригинально выбранную идею»: «Есть таланты, опирающиеся сами на себя, оставляющие в покое свет с его несовершенствами и злом – они так высоки, что не боятся никакого стеснения, каждое слово их прекрасно и каждую простую мысль они умеют облечь в новую изящную форму <...>. Но таланты дюжинные, к которым без всяких фраз причисляю я сам себя, заимствуют на время свою силу из тех интересов, которым сочувствуют их современники <...>. После первых радостей, доставленных мне успехом моих первых повестей, я не побоялся безжалостно анализировать причины этого успеха и пришел к тому

Закономерно, что повесть А. В. Дружинина повлияла на рецепцию сюжета романа Ж. Санд «Жак» в русской литературе. Развивая прогрессивные идеи о браке, беллетристы в качестве основы для их выражения использовали не столько сюжет первоисточника, сколько его «модифицированную» версию, представленную в повести А. В. Дружинина. Одна из причин, по которым это произошло, заключается в том, что в «Полиньке Сакс» не только точно воспроизводятся мотивировки, комбинаторика сюжета Ж. Санд, но и усложняется исходная структура. А. В. Дружинин усиливает фрагментарность сюжета, вводит в него недоговоренности, «неувязки» и «противоречия», создает «возможные» сюжетные ходы.

Кажется, что А. Я. Панаева, как и другие беллетристы, не избегла влияния повести А. В. Дружинина: писательница использует «жоржсандовский» сюжет с теми же сюжетными сдвигами, которые произошли в «Полиньке Сакс», – сосредоточенность на свободе героини в браке, актуализация мотива спасительного брака и мотива «развития» жены прогрессивным мужем. Однако очевидная ориентация на повесть А. В. Дружинина обусловлена отнюдь не творческим бессилием А. Я. Панаевой. Писательница прибегла к этому приему для того, чтобы «оформить» повесть в прямо адресованное послание А. В. Дружинину, чей проект любовно-семейных отношений был горячо встречен литераторами «Современника»⁶ и, по всей видимости, не разделялся ею в полной мере. На основе повести «Пасека» можно сформулировать основную претензию А. Я. Панаевой к мужскому кругу, в котором она находилась: А. В. Дружинин и поддерживавшие проект литераторы декларируют представление о женщине как об объекте (любви / развития и т. д.), игнорируя при этом ее природную одаренность⁷. Полемизируя с ними, писательница создает повесть, в которой показывается, что «ресурс» для развития женского самосознания находится не вне, а внутри нее.

Для выражения своей идеи А. Я. Панаева обращается к такому литературному сюжету, в котором центральной фигурой является героиня, максимально олицетворяющая собой естественное начало – «любовь человека цивилизованного мира к дикарке». Его инвариант представлен совокупностью последовательно соединенных звеньев: встреча светского человека из мира цивилизации с «дикаркой» из мира природы, сближение героев (любовь), драматический финал (смерть героини) [Печерская, Никанорова, 2010, с. 106]. Как известно, этот сюжет был особенно частотен в литературе романтизма. Причины, по которым А. Я. Панаева обратилась к устаревшему сюжетному материалу, могут быть самыми различными. Однако можно предположить, что это обусловлено спецификой сконструированного

сознанию, что его причина заключалась не в искусстве исполнения, а в оригинальном выборе основных идей» [Ахматова, 1891, с. 123].

⁶ Характерное свидетельство об отношении А. В. Дружинина к женщинам встречается в «Воспоминаниях» А. Я. Панаевой: «Так как Дружинин не только бывал у Панаева, но одно время прожил у него на квартире более месяца, то нам можно было хорошо узнать его характер. Дружинин был всегда ровен, никогда не горячился в разговоре, относился ко всему довольно индифферентно, скучал, если завязывался при нем продолжительный разговор о политике и об общественных вопросах. – Ну, что это, господа! – говорил он. – Охота вам рассуждать о таких сухих предметах, гораздо лучше поговорить о доньях. (Доньями он почему-то называл женщин.)» [Панаева (Головачева), 1956, с. 191–192].

⁷ О том, что для круга «Современника» было характерно объективизировать женщину, см.: [Успенский, Федотов, 2023].

в повести «Пасека» художественного мира: романтический сюжет, центральной фигурой в котором является «дикая» героиня, помогла писательнице более отчетливо представить процесс «объективизации», угнетения естественной природы женщины.

Соответствие Белки сюжетной роли «дикарки из природного мира» в анализируемом сюжете наиболее полно раскрыто в начале повести. Охотники встречают ее в лесу, когда девочка прячется на дереве. Как верно замечает С. В. Бурмистрова, пространственное расположение героини свидетельствует о полной принадлежности Белки к природному миру: природа оберегает героиню и может быть ею покорена [Бурмистрова, 2012]. Также герои замечают в девочке черты мифического существа, которые, как правило, подчеркиваются в описаниях героинь-дикарок⁸. Она напоминает им русалку: у нее зелёные глаза, длинные распущенные волосы, спит на дереве, ходит по крыше с венком на голове. Мужчины шутят, что дикарка их «утопить, не утопит, а защекочет», – этим были опасны русалки в народных поверьях. На вопросы охотников девочка отвечает коротко, загадочно, а также использует сказочные формулы (ср.: «Недалече: только пройдем дубы; будут липы, – вот и дедушка» [Станицкий, 1849]). Её модель поведения А. В. Святославский называет естественным кокетством, «природной силой прародительницы Евы» [Святославский, 2021, с. 69]. Это составляет своеобразие личности Белки, которое угнетается окружающими героиню мужчинами.

Первый, кто участвует в процессе «угнетения» героини, – старик-пасечник, ее мнимый дедушка. Как правило, в рассматриваемой сюжетной ситуации такого рода герой должен выполнять функцию «слабого защитника»: он понимает тонкое устройство души дикарки и пытается противостоять герою из мира цивилизации, но безуспешно⁹, ему не удается защитить девушку, и она погибает из-за разрушительной любви героя. Однако пасечник не выполняет свою функцию. Он спасает девочку после смерти родителей небескорыстно: ему требуется молодая помощница. За неисполнение обязанностей, которое объясняется живым характером героини, ее непригодностью к труду, пасечник ругает ее, обещает отправить к тетке. Зеновский признается, что боится ее мнимых родственников¹⁰, которые «за деньги стали слепы и глухи» [Станицкий, 1849] к его посещениям. При неблагоприятном стечении обстоятельств пасечник не препятствует «продаже» девушки старому жиду.

⁸ Например, в «Герое нашего времени» в главе «Тамань» также реализуется сюжет «любовь человека цивилизованного мира к дикарке»: Печорин сталкивается с девушкой, в образе и манере поведения которой он находит черты русалки (распущенные волосы, хождение по крыше, заговорные формулы), поэтому называет ее Ундиной.

⁹ Так, например, в поэме Пушкина «Цыганы», старик понимает свою дочь и оправдывает ее поведение тем, что «она дитя» и любит «шутя», но это не спасает Земфиру от смерти. У Лермонтова в «Герое нашего времени» в главе «Бэла» роль отца выполняет не родной отец Бэлы, а Максим Максимыч.

¹⁰ Называние старика «мнимым дедом» можно интерпретировать двояко. Дедушка на самом деле не родной Белке, и он не может постоять за нее, в чем читатели убедятся позже, когда он позволит продать героиню старому жиду. На более глубоком уровне в этих словах героя нарратор ставит под сомнение функцию защиты и покровительства, которая логична в реальной жизни, но невозможна в данной литературной сюжетной ситуации, так как ни один «защитник» не может её выполнить.

Также в рассматриваемой повести изменяется третий участник сюжетной ситуации – мужчина из цивилизованного мира. Как правило, им был романтический герой, который, разочаровавшись в свете, жаждал свободы и становился изгнанником¹¹. Его функция – бессознательное разрушение привычного уклада жизни дикарки и ее жизни в целом. Несовпадение Зеновского с этой сюжетной ролью подчеркивается в самом начале повести. Когда по лесу идут два товарища, нарратор не называет их по фамилиям, а рисует образы «охотник в бархатной фуражке» – петербургского щеголя, одежда которого неудобна для охоты, и «охотник в картузе» – мужчины в более простом костюме. Этим сопоставлением подчеркивается то, что Зеновский – не совсем «мужчина из цивилизованного мира». Он посмеивается над своим петербургским товарищем, говоря, что «от душного воздуха и сидячей жизни мозг приходит в болезненное состояние» [Станицкий, 1849]. Оставаясь светским человеком, он не принимает городской образ жизни – в этом заключается его внутреннее противоречие. Из двух охотников А. Я. Панаева выбирает на роль «мужчины из цивилизованного мира» Зеновского, а не Камышова; в противном случае сюжет развивался бы традиционным образом. В образе Камышова более ярко выражена его разочарованность в обществе и свете: «Камышов был уже несколько раз влюблен и обманут, и начинал немного скучать, убедаясь, что его красивая наружность ничто перед деньгами» [Там же]. Однако и Зеновский наделен типичной романтической чертой: его ощущение особенности, противопоставление себя обществу (ср.: «если б такое дурачество и нашло на меня, то ручаюсь тебе, что молодцом показал бы себя» [Там же])¹².

Сюжетная роль Зеновского строится на совмещении функций влюбленного и отца. Этим определяются двойное восприятие Белки и, соответственно, две модели поведения с ней. Изменение образа «мужчины из цивилизованного мира» дает новый, нехарактерный для исследуемой нами сюжетной ситуации виток. В Зеновском происходит борьба чувства и разума. Иногда он видит в Белке свою возлюбленную (ср.: «красноватое отражение огня на ее нежном лице придало ее чертам что-то страстное» [Там же]), но решение разума «заменить ей отца и мать» трансформирует чувство героя на какое-то время в любовь «нежного отца или брата» [Там же]. Однако, несмотря на благородство и благие устремления, Зеновский, как и мнимый дедушка, видит в девушке не субъект, а объект: либо заботы, либо чувственного влечения.

С развитием сюжета герои перемещаются в пространстве повести, которое устроено по тернарному принципу: из природного космоса (пасека), в усадебное бытие (деревня Зеновского), а потом в мир урбанистической цивилизации (Петербург) [Татаркина, 2006]. По мнению С. В. Татаркиной, усадьба – особое промежуточное пространство, не разрушающее личность женщины, а позволяющее проявлять созидательное начало. Мы полагаем, что это не совсем так. В усадебном пространстве начинается «развитие» героини. Представляя ее воспитание, А. Я. Панаева вступает в явную полемику с А. В. Дружининым, первым на русской почве предложившим прогрессивный проект развития жены мужем. В по-

¹¹ Например, уже в начале поэмы Е. А. Баратынского «Цыганка» делается акцент на окончательном отстранении Елецкого от светской жизни после связи с цыганкой.

¹² Этими словами он будто бросает вызов судьбе, которая уже через несколько строчек ответит на него и столкнет охотника с девочкой-дикаркой.

вести «Полинька Сакс» герой, адепт романа Ж. Санд «Жак», представлен наставником жены, ее «учителем жизни». Он разрабатывает программу просвещения возлюбленной, чтобы из нее в итоге воспитался «дельный помощник измученной душе». Желая изменить мировоззрение жены, Сакс дает ей романы Ж. Санд, ведет с ней образовательные беседы и окружает предметами искусства. В повести А. Я. Панаевой представлена на первый взгляд сходная программа воспитания: Зеновский сначала обучает девушку грамоте, читает с ней, а затем нанимает гувернантку-французенку. Ее живое поведение сменяется регламентированным, женщина закладывает в сознание героини мысль о том, что девушка, живущая в доме с мужчиной, должна быть либо его любовницей, либо женой. Узнав, что Зеновский не собирается на ней жениться, Белка пишет ему перед побегом: «...вы мне готовили, было слишком для меня унижительно, а другое слишком высоко». Таким образом, в сравнении с А. В. Дружининым, А. Я. Панаева деконструирует идею «развития» героини. Писательница показывает, что перевоспитание ведет не только к положительным, но и к отрицательным последствиям: оно «ломает» естественную природу женщины, заставляет ее подчиняться правилам.

В повести «Пасека» переосмыслиется и другой мотив, актуализированный в повести «Полинька Сакс», – брак как способ спасения от пагубного влияния среды. В отличие от романа Ж. Санд, в повести А. В. Дружинина на первый план выдвигается изображение причин, которые побуждают девушку выходить замуж, а героя жениться на ней: семейная тиранья. В «Пасеке» тоже акцентируется благородная мотивировка брака:

<...> я боюсь за нее: она погибнет здесь, с ее детскою доверчивостию, одна, без всякой защиты против грубого и холодного разврата, какой она каждую минуту может встретить!

В голосе его было столько сострадания и участия к беззаботно-спящей девочке, что Камышов пристально посмотрел на него и сказал:

– Ну вот прекрасный случай разсеять деревенскую скуку.

– Вырвать ее из этой жизни! быстро перебил его охотник в картузе.

– Воспитавай ее, сделай из нее женщину хорошую... к тому ж ты так недоволен воспитанием наших женщин.

– А потом? – язвительно спросил охотник в картузе.

– Ну, потом женись, – спокойно отвечал Камышов [Станицкий, 1849].

Между тем А. Я. Панаева не ограничивается благородной мотивировкой брака. Она делает акцент на чувственном влечении героя к Белке. В результате оказывается, что его желание спасти девушку-дикарку имеет мотивировку, выходящую за рамки романтической концепции. Герой не стремится связать свою судьбу с девушкой из мира природы ради собственной свободы, которую он не может обрести в цивилизованном мире, полном условностей: его мысли и поступки мотивированы и человеческой заботой о ее дальнейшей судьбе, и страстью. Поэтому ситуация брака получает в повести А. Я. Панаевой не только положительную, но и отрицательную семантику: «приручение» дикарки, ее вызволение из дурной среды становится, по существу, первым шагом в угнетении ее естественной природы.

Таким образом, не пересекая границы между пространствами, Белка уже подвергается негативному влиянию мира цивилизации. Сближение героев заканчива-

ется их свадьбой и переездом в Петербург. В результате формируется новое звено в рассматриваемом сюжете: сближение дикарки с миром цивилизации.

Столкновение Белки с цивилизованным миром, вопреки ожиданиям Зеновского, не приносит ей вреда. Приобретение роли светской дамы героиней воспринимается как игра: она сохраняет самобытность, потому что не отождествляет себя с этой ролью. Она говорит Камышову: «Вы должны учить меня, как жить в столице <...> – я буду вас слушаться» – но продолжает вести себя непосредственно и живо: «В одну минуту она принимала тысячу разных поз, одна другой грациознее; глаза ее то выражали лукавство, то наивность, или вдруг вспыхивали огнем. Она болтала без умолку и разговор ее был полон остроумия и разнообразия» [Станицкий, 1849].

В пространстве Петербурга процесс объективизации героини достигает предела: все мужчины воспринимают молодую женщину как объект чувственного влечения. Особенно репрезентативна с этой точки зрения любовная линия Белки и Атавина, светского молодого человека. Герою дана подробная характеристика, в которой О. А. Куянцова замечает черты «лишнего человека»: ум от природы, скептицизм, отчуждение от официальной России и дворянской среды, разлад слова и дела [Куянцова, 2012]¹³. Еще одна отличительная черта панаевского героя – пренебрежительное отношение к женщинам:

Из всех своих многочисленных друзей, он никого не любил и не щадил для своего желчного остроумия, не исключая женщин, к которым он видимо питал какую-то злобу. Может быть, случайно оскорбленный одною, он мстил всем. Он смеялся над любовью женщин, не щадил их репутации и не раз имел за это дуэли, что, казалось, составляло его гордость. Он влюблялся также скоро, как и разлюблял; может быть, и были на то причины. Его деспотический характер не встретил женщины, которая бы силою своего характера покорила его. Он видел одно лицемерство, слабость характера, расчет; и подобные связи так развратили его сердце, что он стыдился порядочных своих чувств; если они в нем и пробуждались к какой-нибудь женщине, достойной их, он душил их при самом зародыше и с торжеством смеялся над страданиями бедной жертвы, которая гибла потом в омуте сплетен и семейных упреков [Станицкий, 1849].

В пространстве панаевского Петербурга нет места искренности, герои вынуждены объясняться в рамках шаблона. Например, Атавин несколько раз падает на колени, говорит шаблонные фразы: «...я не хочу вам лгать, что я не любил и не был любим»; «...я уйду, но прошу вас всем, что для вас дорого, простите меня. Любовь моя...» [Там же] и т. д. Белка несколько раз упрекает Атавина в «заученной сцене» признания в любви, а он ее в разыгрывании комедии. Театральность светского мира разрушительна для любви: из-за нее у героев никогда не состоится искренний разговор.

Характерно, что А. Я. Панаева, очевидно, вслед за А. В. Дружининым, использует нехарактерный для русских подражателей Ж. Санд сюжетный ход: «редуцирует» мотив супружеской измены. На свидании с возлюбленным Белка отказывается от личного счастья. Однако, в отличие от Полиньки Дружинина, отказ героини мотивируется не страхом перед мужем, а системой ее внутренних ценно-

¹³ Также в литературоведении отмечалось, что прототипом образа Атавина является М. Ю. Лермонтов, см. об этом: [Бессонов, 1979].

стей: на ночном свидании она вдруг осознает, что является исключительно объектом страсти для Атавина и что измена, которую она может совершить, осквернит не столько мужа, сколько ее саму.

Разрушение любовных отношений с Атавиным приводит к становлению личности героини: страдания открывают в ней способность к рефлексии, осуществляют переход от «бессознательной жажды любви» к осознанию всех мучений, которые она причинила себе и мужу. Героиня возвращается на пасеку к мнимому дедушке: пространственно замыкая сюжет, нарратор возобновляет начальный сюжет «любовь человека цивилизованного мира к дикарке» и переходит к последнему звену – драматическому финалу. Формально сохраняя это звено, писательница соблюдает только его структуру, изменяя семантику: погибает не героиня-дикарка, а мужчина из цивилизованного мира, что мотивировано контаминацией с «жоржсандовским» сюжетом. Зеновский, противореча своим словам, сказанным в начале повести о глупости самоубийства из-за неразделенной любви, застреливается после расставания с женой. Нужно заметить, что А. Я. Панаева использует не самый актуальный для русской литературы середины века сюжетный ход¹⁴: «Полинька Сакс» положила начало более рациональному поведению мужа в ситуации супружеской «невостребованности» – отпустив жену, мужчина продолжает вести полноценную жизнь, подчеркивается, что у него остаются и другие ценности, кроме любви. Представляется, что обращение писательницы к неактуальному сюжетному ходу призвано главным образом подчеркнуть психологическую недостоверность поведения покинутого мужа в повести А. В. Дружинина: писательница показывает, что мужчина, искренно и бескорыстно любящий женщину, не может отказаться от нее без последствий для себя. Однако самоубийство героя выносится за поле читательского зрения (ср.: «в ту ночь в лесу раздался выстрел...» [Станицкий, 1849]). Образ Зеновского тем самым отодвигается на второй план. Это связано с идеологической составляющей прозы А. Я. Панаевой: в «Пасеке» на глазах читателей происходит событие более грандиозное, чем смерть героя – становление женской личности, в истории которой есть продолжение (ср.: «не здесь еще конец приключениям Белки» [Там же]).

Подведем итоги. Повесть «Пасека» неожиданно обнаруживает протестующий взгляд А. Я. Панаевой на характерное явление эпохи середины века, аккумулярованное повестью А. В. Дружинина «Полинька Сакс», – конструирование прогрессивного проекта любовно-семейных отношений, где основными «китами» полагаются свобода супругов, «развитие» женщины, превращение ее в союзника мужчины и др. Как видно из проведенного анализа, писательница восстает против объективирующего отношения к женщине, которое невольно было задано повестью А. В. Дружинина и разделено кругом «Современника», несмотря на их эмансипационные декларации.

Список литературы

Ахматова Е. Н. Знакомство с А. В. Дружининым // Русская мысль. 1891. Кн. 12. С. 117–147.

¹⁴ Подробное обоснование см.: [Пономарева, 2017].

Пономарева А. А., Дубинина А. С. Героиня-дикарка в «жоржсандовском» сюжете

- Белинский В. Г.* Письмо В. И. Боткину. СПб., 1847. <2–6> декабря. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3900.shtml (дата обращения 12.08.2023).
- Бессонов Б. Л.* Лермонтов в повести А. Я. Панаевой «Пасека» (1849) // М. Ю. Лермонтов: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1979. С. 423–425.
- Бурмистрова С. В.* Семантика вещного мира в прозе А. Я. Панаевой // Вестник Том. гос. пед. ун-та. 2012. № 9. С. 127–132.
- Кафанова О. Б.* Авдотья Панаева между публичным и личным пространством. 2017. URL: <https://journals.openedition.org/ilcea/4296> (дата обращения 12.08.2023).
- Кафанова О. Б., Соколова М. В.* Жорж Санд в России: библиография русских переводов и критической литературы на русском языке (1832–1900). М.: ИМЛИ РАН, 2005. 589 с.
- Куянцева О. А.* Особенности репрезентации типа «лишнего человека» в ранней прозе А. Я. Панаевой // В мире науки и искусства: Вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: Материалы Междунар. заочной науч.-практ. конф. (10 декабря 2012 г.). Новосибирск: Изд-во «СибАК», 2012. Ч. 2. С. 78–82.
- Панаева (Головачева) А. Я.* Воспоминания / Вступ. ст. К. Чуковского; примеч. Г. В. Краснова, И. М. Фортунатова. М.: Гослитиздат, 1956. 508 с.
- Печерская Т. И., Никанорова Е. К.* Указатель фабульных схем и мотивов русской классической литературы // Печерская Т. И., Никанорова Е. К. Сюжеты и мотивы русской классической литературы: Учеб. пособие. Новосибирск, 2010. С. 106.
- Пономарева А. А.* Литературные сюжетные коды в беллетристике 1850-х годов: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2017. 196 с.
- Самородницкая Е. И.* Поэтика А. Я. Панаевой в компаративном аспекте: постановка проблемы // Новый филологический вестник. 2021. № 3 (58). С. 419–431.
- Санд Ж. Жак* // Санд Ж. Собр. соч.: В 9 т. Л.: Худож. лит., 1971. Т. 3. С. 5–288.
- Святославский А. В.* Семейная тема в прозе Авдотьи Панаевой 1840–50-х годов // Acta Eruditiorum. 2021. № 36. С. 67–71.
- Станицкий Н.* [Панаева А. Я.] Пасека // Современник. 1849. № 11. Отд. 1. С. 5–94. URL: http://az.lib.ru/p/panaewa_a_j/text_1849_paseka_oldorfo.shtml (дата обращения: 12.08.2023).
- Строганова Е. Н.* «Авдотья стерва»: Лев Толстой и Авдотья Панаева // Строганова Е. Н. Классики и современницы: гендерные реалии в истории русской литературы XIX века. М.: Литфакт, 2019. С. 297–305.
- Татаркина С. В.* Творчество А. Я. Панаевой в литературном контексте XIX века: гендерный аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 26 с.
- Успенский П., Федотов А.* Быть женщиной в «Современнике»: поэзия и правда в беллетристике Авдотьи Панаевой // НЛО. 2023. № 3. С. 205–225.
- Щербина Н.* Альбом ипохондрика. Эпиграммы и сатиры / Ред. и примеч. И. Иванова-Разумника. Л.: Прибой, 1929. С. 148–149.

References

Akhmatova E. N. Znakomstvo s A. V. Druzhininym [Acquaintance with A. V. Druzhinin]. *Russkaya mysl'* [Russian Thought], 1891, no. 12, pp. 117–147. (in Russ.)

Belinsky V. G. Pis'mo V. I. Botkinu. SPb. 1847. <2–6> dekabrya. [Letter to V. I. Botkin. St. Petersburg, 1847. December <2–6>]. (in Russ.) URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3900.shtml (accessed 12.08.2023).

Bessonov B. L. Lermontov v povesti A. Ya. Panaevoy “Paseka” (1849) [Lermontov in the story of A. Ya. Panaeva “Apiary” (1849)]. In: M. Yu. Lermontov: Issledovaniya i materialy [M. Yu. Lermontov: Research and materials]. Leningrad, 1979, pp. 423–425. (in Russ.)

Burmistrova S. V. Semantika veshchnogo mira v proze A. Ya. Panaevoy [Semantics of the material world in the prose of A. Ya. Panaeva]. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 2012, no. 9, pp. 127–132. (in Russ.)

Kafanova O. Avdot'ya Panaeva mezhdru publicnym i lichnym prostranstvom [Avdotya Panaeva between public and private space]. 2017. (in Russ.) URL: <https://journals.openedition.org/ilcea/4296> (accessed 12.08.2023).

Kafanova O. B., Sokolova M. V. Zhorzh Sand v Rossii: bibliografiya russkikh perevodov i kriticheskoy literatury na russkom yazyke [George Sand in Russia: Bibliography of Russian Translations and Critical Literature in Russian (1832–1900)]. Moscow, 2005, 589 p. (in Russ.)

Kuyantseva O. A. Osobennosti reprezentatsii tipa “lishnego cheloveka” v ranney proze A. Ya. Panaevoy [Features of the representation of the “superfluous person” type in the early prose of A. Ya. Panaeva]. In: V mire nauki i iskusstva: Voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii [In the world of science and art: Questions of philology, art history and cultural studies]. Materials of the international correspondence scientific and practical conference. Novosibirsk, 2012, pt. 2, pp. 78–82. (in Russ.)

Panaeva (Golovacheva) A. Ya. Vospominaniya [Memoirs]. Moscow, 1956, 508 p. (in Russ.)

Pecherskaya T. I., Nikanorova E. K. Syuzhety i motivy russkoy klassicheskoy literatury [Plots and motifs of Russian classical literature]. Novosibirsk, 2010, p. 106. (in Russ.)

Ponomareva A. A. Literaturnye syuzhetnye kody v belletristike 1850-kh godov [Literary Plot Codes in fiction of the 1850s]. Cand. of Philol. Sci. Diss. Novosibirsk, 2017, 196 p. (in Russ.)

Samorodnitskaya E. I. Poetika A. Ya. Panaevoy v komparativnom aspekte: postanovka problem [Poetics of A. Ya. Panaeva in the comparative aspect: statement of the problem]. *Novyy filologicheskyy vestnik [New Philological Bulletin]*, 2021, no. 3 (58), pp. 419–431. (in Russ.)

Sand J. Jacques. In: Sand J. *Sobr. soch.* In 9 vols. Leningrad, 1971, vol. 3, pp. 5–288. (in Russ.)

Shcherbina N. Al'bom ipokhondrika. Epigrammy i satiry [Album of a hypochondriac. Epigrams and satires]. Leningrad, 1929, pp. 148–149. (in Russ.)

Stanitsky N. [Panaeva A. Ya.] Paseka. *Sovremennik*, 1849, no. 11, pt. 1, pp. 5–94. (in Russ.) URL: http://az.lib.ru/p/panaeva_a_j/text_1849_paseka_oldorfo.shtml (accessed 12.08.2023).

Stroganova E. N. “Avdot'ya sterva”: Lev Tolstoy i Avdot'ya Panaeva [“Avdotya the bitch”: Leo Tolstoy and Avdotya Panaeva]. In: Stroganova E. N. *Klassiki i sovremennitsy: gendernye realii v istorii russkoy literatury XIX veka* [Classics and Contemporaries: gender realities in the History of Russian Literature of the 19th century]. Moscow, 2019, pp. 297–305. (in Russ.)

Пономарева А. А., Дубинина А. С. Героиня-дикарка в «жоржсандовском» сюжете

Svyatoslavskiy A. V. Semeynaya tema v proze Avdot'i Panaevoy 1840–50-kh godov [The family theme in Avdotya Panaeva's prose of the 1840s-50s]. *Acta Eruditorum*, 2021, no. 36, pp. 67–71. (in Russ.)

Tatarkina S. V. Tvorchestvo A. Ya. Panaevoy v literaturnom kontekste XIX veka: gendernyy aspekt [The work of A. Ya. Panaeva in the literary context of the 19th century: gender aspect]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Tomsk, 2006, 26 p. (in Russ.)

Uspenskiy P., Fedotov A. Byt' zhenshchinoy v “Sovremennike”: poeziya i pravda v belletristike Avdot'i Panaevoy [To be a Woman in “Sovremennik”: Poetry and Truth in Avdotya Panaeva's Fiction]. *NLO*, 2023, no. 3, pp. 205–225. (in Russ.)

Информация об авторах

Анастасия Александровна Пономарева, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

Анна Сергеевна Дубинина, студентка 4 курса, направление подготовки «Педагогическое образование», профиль «Филологическое образование», Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия)

Information about the Authors

Anastasia A. Ponomareva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methodic of Investigation Literature, Chair of Institute of Philology, Mass Information and Psychology of Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

Anna S. Dubinina, Student of the Philology Education Profile, Institute of Philology, Mass Media and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 15.08.2023;

одобрена после рецензирования 31.08.2023; принята к публикации 11.09.2023

The article was submitted on 15.08.2023;

approved after reviewing on 31.08.2023; accepted for publication on 11.09.2023

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетология. 2023. № 3
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2023, no. 3